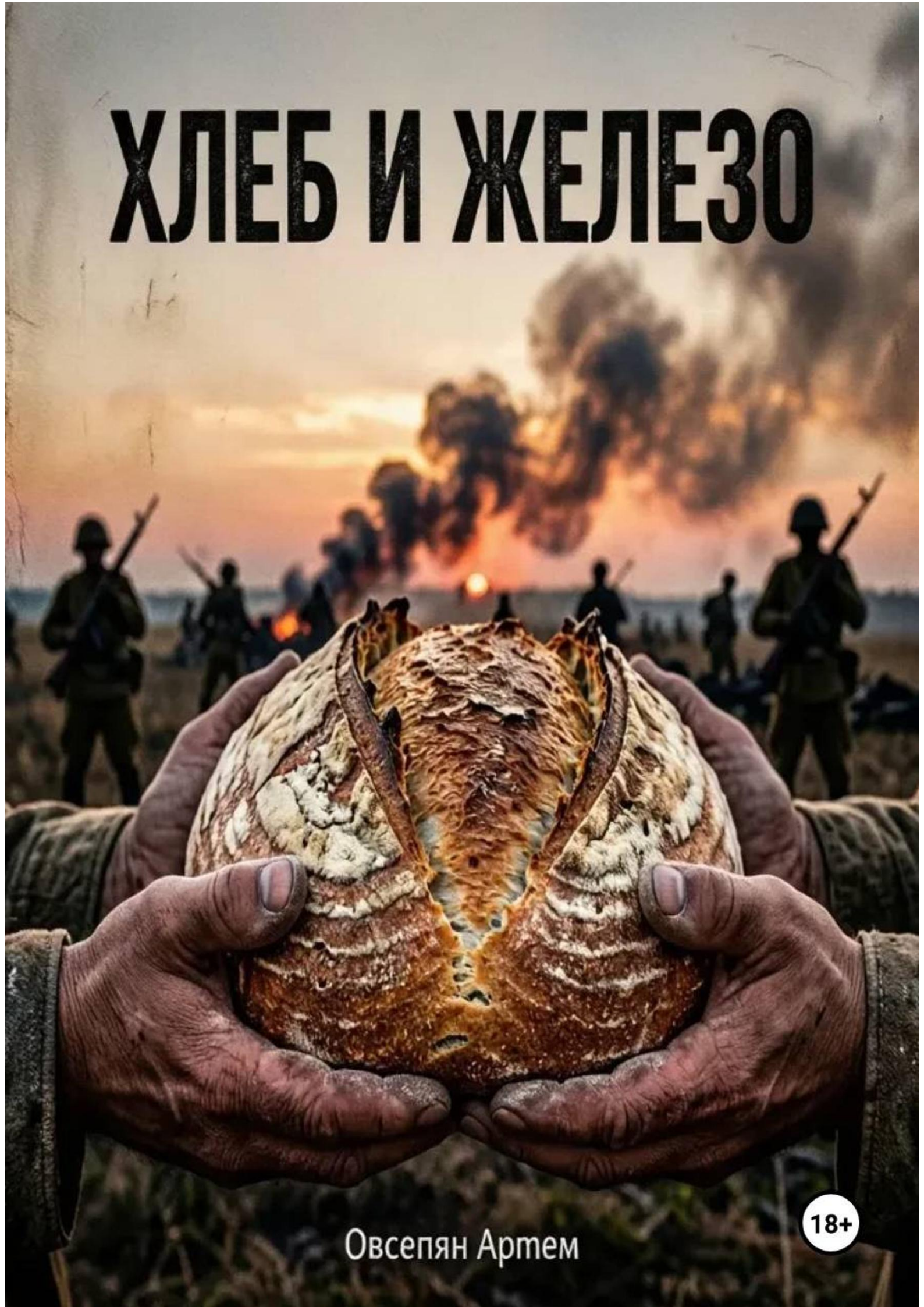

ХЛЕБ И ЖЕЛЕЗО

Овсепян Артем

18+

Артем Овсепян

Хлеб и железо

«Автор»

2026

Овсебян А. Г.

Хлеб и железо / А. Г. Овсебян — «Автор», 2026

В 1805 году крестьянин Коля идёт на войну с Францией, веря в славу и правоту царя. В 1812 году он идёт снова. Но теперь у него другая цель. Что меняет человека на войне? И можно ли вернуться с поля боя тем же, кем ушёл? История о том, как хлеб становится дороже железа, а чужая жизнь — дороже своей.

© Овсебян А. Г., 2026

© Автор, 2026

Артем Овсепян

Хлеб и железо

Роман в трёх частях

Посвящение

Всем, кто брал в руки хлеб после боя и не мог есть.

Всем, кто спасал, а не убивал.

Пете, Мите, французу с голубыми глазами и Жану, который поделился хлебом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: БАРАБАННЫЙ БОЙ

Год 1805-й от Рождества Христова

Деревня Трофимовка, Смоленская губерния

Глава 1. Крыша

— Тятка! Тятка, гляди, я колосок нашла!

Коля глянул вниз, с крыши, и сердце у него перевернулось. Дочка стояла внизу, задрала голову, и сжимала в кулачке тощий колосок. Трёх лет всего, а уже хозяйка — в поле полезла, пока мать не видит.

— Катька, а ну не балуй! — крикнул он весело. — Упадёшь в крапиву, будешь потом реветь, как корова на привязи!

Катя засмеялась, затопала босыми пятками по тёплой траве. Коля улыбнулся и снова взялся за топор.

Крыша у избы текла. Старая уже, отец ещё ставил, а теперь вон — гниль пошла. Надо новую рубить, да лес нынче дорог. Коля строгал доску, и щепки летели вниз, кружились на солнце, падали в лопухи. Руки у него были большие, тёмные от загара, в мозолях — каждая мозоль своё место знала. Такими руками ложку вырезать, такими — соху держать, такими — и жену обнимать, да чтоб не больно было.

Солнце припекало. Конец августа, бабье лето на носу, а работы — не переделать.

— Николай! — донеслось с соседнего двора.

Коля покосился. Тётка Фёкла стояла у плетня, подбоченившись, и глядела на него, как коршун на цыплёнка.

— Чего тебе, тётя Фёкла? — крикнул он, не прекращая строгать.

— Ты чего это на моей меже накопил? Я вчерась глянула — трава-то почитай вся твоя! А ну, признавайся!

Коля вздохнул, отложил топор, присел на край крыши, свесил ноги. Фёкла была бабой бойкой, язык у неё — как помело. С ней лучше не ссориться, а шуткой отделаться.

— Так ветер, тётя Фёкла, — сказал он серьёзно. — Ветер колосья носит. Я тут кошу, а ветер возьми да и перекинь с твоего на моё. Я и не рад, а что поделаешь?

Фёкла аж поперхнулась.

— Ветер?! Да ты, парень, с ума спятил! Какой ветер?

— Обыкновенный. — Коля подмигнул. — Западный. Сам государь сказывал, что ветер с запада дует, стало быть, от француза. А француз, он хитрый, тётя Фёкла. Он и траву может украсть, и колосья унести. Ты на него серчай, не на меня.

Фёкла открыла рот, закрыла, снова открыла. Соседки за плетнями захихикали. Из соседней избы высунулся мужик, глянул и сплюнул.

— Ох, Колька, язык у тебя... — Фёкла махнула рукой, но уже без злобы. — С тобой свяжешься — сам святым станешь, пока слушаешь.

— Так я ж для тебя стараюсь, тётя Фёкла. Чтоб тебе веселей жилось.

Фёкла ушла, ворча, что «молодёжь нынче совсем без стыда», но Коля знал — не сердится. На него вообще трудно было сердиться.

Он снова взялся за топор, и тут снизу донеслось:

— Тятка!

Катя стояла прямо под крышей, тянула ручки вверх.

— Тятка, спускайся! Я есть хочу!

— А мамка где?

— Мамка... — Катя задумалась, сморщила нос. — Мамка плачет.

Коля насторожился.

— Чего плачет?

— Не знаю. Дядя приходил, бумагу приносил. Мамка читала и плакала.

Коля спрыгнул с крыши, подхватил дочку на руки. Катя была лёгонькая, тёплая, пахла молоком и травой. Он чмокнул её в макушку.

— Пойдём, разберёмся.

Соня сидела на лавке у окна. В руках у неё был лист бумаги — казённый, с сургучной печатью. Коля такие видел редко — в деревне грамоте не все разумели, а Соня умела, отец научил, дьячком был.

Он опустил Катю на пол, подошёл, положил руку на Сонино плечо. Она вздрогнула, подняла глаза. Глаза у Сони были светлые, серые, как вода в ручье, а сейчас красные, заплаканные.

— Чего случилось, Соня?

Она протянула ему бумагу.

— Коля... война.

Он взял лист, повертел, посмотрел на печать. Буквы прыгали перед глазами — читал он плохо, по складам.

— Тут что пишут?

Соня встала, прижалась к нему, уткнулась лицом в грудь. Голос у неё дрожал.

— Пишут, что Бонапарт, французский император, на нас идёт. Государь наш, Александр Павлович, войско собирает. И велено... велено рекрутов собирать. С трёх дворов по одному.

Коля обнял её, прижал к себе. Сонины плечи тряслись. Катя подошла, дёрнула мать за подол.

— Мам, не плачь. Мам, гляди, колосок!

Соня наклонилась, погладила дочку по голове, вытерла слёзы.

— Иди, Катенька, поиграй.

Катя убежала в сени. Коля сел на лавку, посадил Соню рядом. Молчали долго.

— С трёх дворов по одному, — повторил он. — У нас тут дворов-то... Матвей, Кузьма, я, дядя Гриша... Значит, кого-то заберут.

— Коля... — Соня сжала его руку. — А если тебя?

Он не ответил. В окно было видно поле, золотое, почти поспевшее. Скоро жать, скоро хлеб убирать. А потом зима, печь топить, Катю на салазках катать. А потом весна... Он представил, что всего этого может не быть. Что он будет где-то там, за тридевять земель, с ружьём в руках, против какого-то Бонапарта.

— Сонь, а чего этот Бонапарт? — спросил он тихо. — Чего ему надо?

— Говорят, всю Европу покорил. Теперь на нас прёт. Говорят, злой, как чёрт, и войско у него — тьма тьмушая.

Коля покачал головой.

— А у нас государь — молодой, красивый, говорят, сам воевать пойдёт. В газетах писали, что он за веру и отечество. — Соня помолчала. — Мужики на сходке гудели. Одни боятся, другие, наоборот, рвутся. Григорий Петрович, сын его, Пашка, кричал, что Париж покажет.

Коля усмехнулся.

— Пашка... Он и до своей риги дорогу не всегда находит, а туда же — Париж.

Соня посмотрела на него с надеждой.

— Значит, не пойдёшь?

Он погладил её по руке.

— Сонь, не я решаю. Придут — скажут. А пока... пока давай-ка ужинать. Катьку кормить. Там видно будет.

Соня вздохнула, поднялась, пошла к печи. Коля сидел, смотрел в окно. На подоконнике лежал платок — Сонин, подаренный ещё на Покров, два года назад. Она тогда стеснялась, краснела, а он надел ей на плечи и сказал: «Носи, жена. Чтоб тёплой была». Платок был простой, шерстяной, с цветочками по краю.

Коля взял его, поднёс к лицу, вдохнул запах. Пахло домом, Соней, хлебом из печи.

«Господи, — подумал он. — Не дай, чтоб разлучили».

Глава 2. Трое

Наутро Коля ушёл с Петром и Митькой на рыбалку. Вернее, рыба была предлогом — надо было поговорить. Сойтись где-нибудь, чтоб бабы не мешали, и обмозговать, что делать дальше.

Сели на берегу речки, тонкие удочки воткнули в песок. Вода тёмная, тихая, только круги от рыбы расходятся.

Петя развалился на траве, жуёт травинку. Ему двадцать семь, на два года старше Коли, но дурной, как парнишка. Любил выпить, любил девок, любил языком почесать. Бабы на него косились, мужики крутили у виска, но Петя не обижался — отходчивый был. Сейчас он подмигнул, приподнялся на локте, готовясь травить очередную байку.

— Слышали, мужики? В овине вчерась...

— Опять ты за своё, — перебил Митя, не поднимая глаз от удочки. Митя был ровесник Коле, двадцать пять, но выглядел старше. Серьёзный, степенный, в церковь ходил каждое воскресенье, с бабами не гулял, водку пил редко и мало. За это его уважали, но побаивались — больно правильный. Сейчас он сидел, подбрав под себя ноги, и леска в его руках не дрожала — ни капли.

Петя обиженно поджал губы, бросил травинку в воду.

— А что сразу «за своё»? Я ж интересно рассказываю. Живая картина. — Он привстал, сел, обхватив колени. — К Фёкле, значит, мужик чужой ночью ломился, пока её старый на базар уехал. А она — дверь не открыла. Ну, думаете, зря? А он полез через плетень, да в крапиву и свалился. И орёт, и крапивой жётся, а встать не может — ногу, видать, подвернул. Утром Фёкла вышла, а он в крапиве сидит, весь зелёный, и мычит. Чуть не помер со смеху!

Коля захохотал. Представил, как чужой мужик в крапиве корчится, и так ему смешно стало, что аж слёзы выступили. Он вытер лицо ладонью, всё ещё смеясь.

— А кто мужик-то? — спросил он, утираясь.

— Да Кузьма с того конца! У него баба толстая, страшная, вот он и шляется. А Фёкла — она баба видная, хоть и старая. — Петя мечтательно закатил глаза.

Митя, не оборачиваясь, поправил леску. Сказал спокойно, не повышая голоса:

— Будет вам, сороки. Грех.

— А чего грех? — Петя приподнялся на локте, глянул на Митю хитро. — Если по любви — это не грех. Это, говорят, даже богоугодно. Продолжение рода и всё такое.

Митя глянул на него строго, но в глазах мелькнула усмешка — редкость для него.

— Ты, Петро, язык бы придержал. Попу расскажи про «продолжение рода». Он тебе быстро объяснит, где любовь, а где блуд.

— Эх вы, скучные, — Петя махнул рукой, повалился на спину, закинул руки за голову. — Коля, хоть ты скажи. Неужто тебе ни одна баба, кроме Соньки, не нравится?

Коля улыбнулся, покачал головой.

— А что я скажу? Мне моя Соня милей всех Фёкл с Кузьмами. Я и глядеть ни на кого не хочу.

Петя присвистнул.

— Влюблённый, как кот на сметану. Погоди, женитьба — она по первости сладкая, а потом — оковы. Баба, она знаешь, что такое? Это кандалы на всю жизнь.

— Так ты бы и не женился, — сказал Митя, не поворачивая головы. — Чего тогда о девках думаешь?

— А я и не женюсь! — гордо заявил Петя, приподнимаясь. — Я вольный казак. Хочу — с одной, хочу — с другой. А жена — она одна, и до гроба.

Коля покачал головой.

— Дурак ты, Петро. Одна — она лучше, чем десять. Десять — они каждая своё тянет, а одна — она вся твоя. И ты её.

Петя задумался, потом сплюнул в сторону.

— Ну вас. Философы. Лучше скажите: слышали про войну?

Митя кивнул.

— Слыхали.

— И чего делать будем?

Коля молчал, глядя на поплавок. Тот чуть дрогнул, ушёл под воду, но он не дёрнул. Дал рыбе поклевать, подумать, что всё в порядке.

— А чего тут делать? — сказал он наконец, всё ещё глядя на воду. — Придут — пойдём.

— «Пойдём»! — передразнил Петя, сел, упёр руки в колени. — Ты знаешь, куда идти-то? Говорят, этот Бонапарт пол-Европы завоевал. У него войско — туча. А мы? Нас с трёх дворов одного возьмут. И что мы сделаем?

Митя нахмурился, повернулся к нему.

— А ты не хочешь защищать, что ли? Родину, веру, царя?

Петя замылся. Почесал затылок, потупился.

— Ну... хочу, конечно. Только... — он поднял глаза, и в них вдруг мелькнул страх, тот самый, не показной, — страшно же. Там стреляют, убивают. А я жить хочу.

— Все хотят, — тихо сказал Коля. И тут же дёрнул удочку — леска натянулась, поплавок ушёл под воду. — А ну, держись!

Рыбина билась на крючке, серебристая, тяжёлая. Петя подскочил, заорал, Митя полез с сачком. Втроём вытащили — щука здоровая, чуть не с полпуда.

— Во даёт! — восхитился Петя, облизываясь. — Вот это уха будет!

Коля держал рыбину, смотрел на неё — и на душе стало легко и весело. Война войной, а рыба — она всегда рыба. И уха — всегда уха.

— Пошли к нам, — сказал он друзьям. — Соня уху сварит. Катьку порадуем.

Петя уже подхватил щуку на палку, взвалил на плечо. Митя собирал удочки, неторопливо, старательно, каждую леску провернул, каждый крючок убрал.

— А давай, — сказал Петя, шагая через траву. — А я там Соньке расскажу, как ты на рыбалке всё время молчишь и вздыхаешь. Пусть знает, какой у неё муж романтичный.

Коля толкнул его в плечо. Петя пошатнулся, чуть не уронил щуку, и они оба засмеялись.

Митя шёл сзади, покачивая головой, но в усмешку его уже никто не видел.

Они пошли через поле, по тёплой траве, неся щуку на палке, и Петя горланил какую-то солдатскую песню, хотя солдатом ещё не был.

Глава 3. Рекрутчина

Рекрутчина пришла через две недели.

Утром, на заре, в деревню въехала телега. На телеге — становой пристав, писарь и два унтера с нашивками. Остановились у правления, и унтер ударил в колокол — раз, другой, третий. Звук поплыл над избами, над огородами, над ещё не убранными полями.

Мужики потянулись кто в чём — кто в исподнем, кто накинув зипун, кто крестясь на ходу. Бабы бежали следом, хватали мужей за руки, за рукава, голосили. Коля шёл, и сердце колотилось где-то в горле, тяжёлое, горячее. Рядом Соня бежала, бледная, губы сжаты в нитку, только глаза огромные, мокрые. Катю оставили на соседку — нечего ребёнку на такое глядеть.

Становой пристав, толстый, красномордый, с усами, как у таракана, в фуражке набекрень, стоял на крыльце правления, ногу на лавку поставил. Писарь, тощий и с козлиной бородкой, развернул бумагу, кашлянул и начал читать тонким голосом:

— Высочайшим указом государя императора Александра Павловича, в связи с военными действиями против французского императора Наполеона Бонапарта, повелевается произвести набор рекрутов...

Толпа загудела. Мужики крестились, бабы заголосили, дети заплакали. Пристав гаркнул: — Цыц! Слушать, когда власть говорит!

Писарь продолжил:

— С Трофимовки... — он сделал паузу, обвёл толпу глазами, — по разрядке — три человека. Список прилагается.

— Три! — ахнули в толпе. — Господи, три!

Коля сжал кулаки. Соня рядом икнула и прижалась к нему.

— Список зачитываю, — объявил писарь. — Бронников Матвей Сидорович!

Матвей, мужик лет сорока, плотный, с бородой лопатой, охнул, схватился за сердце. Баба его — Марфа — как взвояет, как кинется к нему, повисла на шее: «Матвеюшка, родимый, на кого ж ты нас!» Матвей стоял белый, как мел, и только гладил её по голове дрожащей рукой.

— Козлов Пётр Ильич!

Петя стоял рядом с Колей. Когда назвали его имя, он вздрогнул, будто его ударили. Побелел так, что веснушки стали видны, как медные пятаки. Но улыбнулся — криво, через силу:

— Ну, вот и сходил на рыбалку, братцы... Вот тебе и Европа...

Он оглянулся, ища глазами кого-то в толпе. Мать его, старуха маленькая, вся в чёрном, пробилась сквозь народ, повисла на нём, запричитала: «Петенька, сыночек, кровиночка моя!» Петя обнял её, а сам смотрел куда-то поверх голов, и губы у него тряслись.

— Дальше, — крикнул пристав.

Писарь прокашлялся:

— Ипатьев Николай Алексеевич.

Коля выдохнул — словно его тоже ударили. Соня рядом охнула, ноги подкосились, она осела бы на землю, если б он не подхватил.

— Соня, Соня, тихо, тихо, — зашептал он, прижимая её к себе. — Соня, не надо, не плачь, люди глядят...

Она билась у него на груди, рыдала, не слышала ничего. А потом вдруг затихла, подняла на него мокрые глаза и сказала тихо, но твёрдо:

— Ты вернись, Коля. Ты слышишь? Ты вернись. Я без тебя не могу.

Он хотел ответить, но в горле застрял ком. Только кивнул.

— Ипатьев! — крикнул писарь. — Подойди расписаться, не задерживай!

Коля осторожно отдал Соню подоспевшей соседке, шагнул к телеге. Взял перо, макнул в чернильницу, расписался — коряво, как умел. Буквы прыгали перед глазами.

— Через три дня быть в волости, — буркнул унтер, глядя куда-то мимо него. — С собой — смену белья, сухарей на неделю, ложку, кружку. Всё казённое получите на месте. Жён не брать. Детей не брать. Идти налегке.

Коля кивнул. Отошёл.

И тут позади раздался голос — спокойный, ровный, чуть хрипловатый:

— А меня?

Все обернулись.

Митя стоял в толпе, сложив руки на груди, и смотрел прямо на писаря. Лицо у него было каменное, только желваки ходили под скулами.

Писарь заглянул в список, поводит пальцем.

— А ты кто таков?

— Митя. Дмитрий... — Он запнулся, будто фамилию припомнить не мог. — Ложкин мы.

— Ложкин? — Писарь снова заглянул в бумагу. — Нет тут Ложкина.

В толпе зашептались. Митя шагнул вперёд.

— Как это нет? Я с трёх дворов. Я на сходке был. Меня ставили.

Пристав нахмурился:

— Эй, ты, не лезь! Сказано — трое, значит, трое. Иди, откуда пришёл.

Митя не сдвинулся с места. Он стоял, высокий, худой, в домотканой рубахе, с крестом на груди, и смотрел на пристава так, что тот заёрзал.

— Я пойду, — сказал Митя тихо. — Я сам пойду.

Толпа ахнула. Петя даже рот открыл. Коля шагнул к нему:

— Ты чего, Мить? Очумел?

Митя обернулся к нему. Глаза у Мити были светлые, спокойные, как у человека, который всё давно решил.

— Коль, я один. Мать два года как померла. Бабы нет, детей нет. Никого. А у тебя — Соня, Катька. Ты им нужен. И Петька... у него мать старая, отец хворый. — Он помолчал. — Кому-то идти надо. Так пусть я.

— Митька, — Петя подскочил, схватил его за рукав. — Ты дурак, что ли? Не лезь! Это ж война!

— Знаю, — сказал Митя. — Потому и лезу.

Он высвободил руку, подошёл к телеге.

— Пиши, — сказал он писарю. — Дмитрий Ложкин. Двадцати пяти лет. Грамоты не разумею, но молитвы знаю.

Писарь растерянно глянул на пристава. Пристав крякнул, почесал затылок.

— Ну... доброволец, значит? — Он усмехнулся. — Чудной ты, парень. Ладно, пиши, коли охота. Государю лишние солдаты не помешают.

Митя расписался — поставил крестик, потому что писать не умел.

Он обернулся к Коле и Пете. Подошёл, положил руки им на плечи.

— Ну что, братцы? Значит, втроём и пойдём. Как на рыбалку.

У Коли защипало в глазах. Он обнял Митю, прижал к себе.

— Дурак ты, Митька. Дурак... спасибо.

Митя похлопал его по спине.

— Не за что, Коль. Не за что.

Толпа расходилась медленно. Бабы голосили, мужики курили и сплёвывали. Соня стояла, прижимая платок к лицу, и смотрела на Колю. А Коля смотрел на Митю и думал: «Господи, как же мы без него? Он же самый правильный из нас. Он же совесть наша».

Три дня.

Три дня до ухода.

Вечером собрались у Коли. Сидели за столом, молчали. Соня металась у печи, то ставила, то снимала, то плакала, то крестилась на образа в углу. На столе стояла картошка в мундире, солёные огурцы, хлеб — свежий, душистый, только из печи.

— Ну, чего мы, как на похоронах? — сказал Петя хрипло. Голос у него сел, пропал куда-то весёлость. — Давайте хоть выпьем на дорожку.

Достал из-за пазухи бутылъ — ещё с утра припас, зная, что вечером пригодится. Разлил по кружкам мутную жидкость.

— За нас, — сказал он. — Чтоб вернуться.

Выпили. Коля занюхал хлебом, хрустнула корочка на зубах.

— Петь, а ты чего такой кислый? — спросил он, стараясь говорить легко. — Ты ж хотел Европу посмотреть. Девоч французских...

Петя усмехнулся, но усмешка вышла кривая.

— Хотел. А теперь не хочу. Дома хочу. — Он помолчал. — Мать вон ревет. Отец молчит, только в окно глядит. А я иду... и не знаю, увижу ли их ещё.

Митя молчал, перебирал чётки. Губы его шевелились — молился.

— Мить, — позвал Коля. — А ты чего молчишь?

Митя поднял глаза.

— А что говорить? Всё уже сказано. Бог дал, Бог взял. Будь что будет.

— Страшно тебе? — спросил Петя.

Митя подумал.

— Страшно, — ответил он просто. — Человеку страшно всегда. Только вера помогает. Я в церковь схожу завтра, причащусь. И вам советую.

Петя махнул рукой.

— Мои грехи поп не отмолит. Их там... — Он задумался. — Много.

— Бог милостив, — сказал Митя. — Он простит, если покаешься.

В горницу вбежала Катя — босая, в длинной рубашонке, сонная. Забралась к отцу на колени, прижалась, засопела.

— Тятка, а куда ты? — спросила она, не открывая глаз.

Коля погладил её по голове, по мягким светлым волосам.

— Я, дочка, далеко пойду. Франца бить.

— А зачем бить?

— А чтоб не обижал.

Катя подумала, сопя носом.

— А он обижает?

— Говорят, обижает.

— Тогда бей, — согласилась Катя. Она зевнула. — А ты ему по носу дай, как тому бычку, что нас бодал. Помнишь, тятка?

Коля улыбнулся, хотя на душе кошки скребли.

— Помню, дочка. Помню.

— А потом вернёшься?

— Вернусь, — сказал Коля твёрдо. — Обязательно вернусь. Ты тут мамку береги. Слушайся её.

Катя кивнула, чмокнула его в щёку мокрыми губами, сползла с колен и убежала в сени, где спала на сундуке.

Петя смотрел ей вслед.

— Хорошая у тебя дочка, Коль. И баба хорошая. — Он кивнул на Соню, которая возилась у печи, вытирая глаза краем платка. — Тебе есть куда возвращаться.

— Всем есть куда, — сказал Митя. — Просто не все понимают.

Посидели ещё, выпили по второй, потом по третьей. Петя разошёлся, начал травить байки — про кузнеца, который забодал козла, про попа, который упал в канаву. Смеялись, но смех был какой-то невесёлый, надрывный.

Поздно ночью разошлись. Коля вышел проводить их на крыльцо. Ночь стояла тёмная, звёздная, пахло сеном и росой. Где-то вдалеке лаяли собаки, перекликались.

Митя задержался на крыльце, посмотрел на звёзды.

— До завтра, Коль, — сказал он тихо.

— До завтра, Мить. — Коля хотел добавить что-то ещё, сказать, как много значит для него этот вечер, как боится остаться без Митиной твердости, но ком застрял в горле. Только сжал другу плечо.

Петя, уже слегка пошатываясь, обернулся у калитки, махнул рукой и крикнул в темноту:

— Спойте там без меня, соловьи!

И исчез за плетнём.

Коля вернулся в избу. Соня уже лежала, отвернувшись к стене, но он знал — не спит. Лёг рядом, обнял её со спины, прижался лицом к её волосам. Она вздрогнула, потом затихла.

— Соня, — шепнул он. — Я люблю тебя.

Она молчала. Только плечи её вздрагивали.

Он гладил её по голове, по распущенным волосам, и думал. О том, как строил эту избу, как носил Катю на руках, когда она родилась — крошечная, сморщенная, как она сосала грудь и сопела. О том, как венчался с Соней — она в белом, он в новой рубахе, батюшка говорит «Обручается раб Божий...», а у самого голос дрожит от счастья. О том, как они первый раз ночевали вместе — стеснялись, не знали, куда руки деть, а потом уснули, обнявшись, и утром проснулись — и солнце в окно светило.

«Господи, — думал он, глядя в потолок, в темноту. — Если убьют — пусть быстро. Чтоб не мучиться. А если ранят — пусть домой отпустят. Дай мне, Господи, вернуться. Дай мне их ещё увидеть. Хоть одним глазком. Хоть издалека. Только дай».

Утром Соня встала чуть свет. Затопила печь, напекла хлеба, засушила сухарей. Собрала узелок — смену портов, рубаху чистую, крестик медный на шнурке (свой, материн, вложила), платок свой, новый, с цветочками по краю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.